

Серия "Литература русской эмиграции"

Иван Лукаш; Сочинения в двух книгах; кн. 2 "Бедная любовь Мусоргского"

Москва; НПК "Интелвак"; 2000

OCR и вычитка: Давид Титиевский, июль 2008 г., Хайфа

Библиотека [Александра Белоусенко](#)

<О повести И. Лукаша "Граф Калиостро">

Иван Лукаш явно не хотел давать ничего серьезного. Начиная с подзаголовка: Повесть о философском камне, госпоже из дорожного сундука, великих розенкрейцерах, волшебном золоте, московском бакалавре и о прочих чудесных и славных приключениях, бывших в Санкт-Петербурге в 1782 году, -- и кончая последними страницами Эпитафии, видно, что он смотрит на свою книгу как на запечатленную им игру воображения, захотевшую из берлинского сегодняшнего дворика взлететь над екатерининским Петербургом.

Действие разворачивается, дормез подкатывает к заставе, ввозя в северную столицу -- и в книгу -- графа Калиостро. Но ничего, кроме некоторых мгновений *tete-a tete'a* [зд.: интимного свидания (фр.)] Екатерины с Ланским, не облечено плотью хоть какой-нибудь литературной реальности. Фигуры в камзолах и со шпагами, говорящие вместо "только" -- "токмо", двигаются по сцене, вталкиваются, выталкиваются какою-то мечтающей, мало о них заботящейся рукой. Хаотичность книги "романтическая", и, невольно соскальзывая с повествовательной дороги, начинаешь заглядываться на мягкую стилизационность названий глав, на блистательно выдержанные легкие эпиграфы.

Вне сомнений, читатель этой книги будет реальнее ее героя. Книга найдет, конечно, своего романтического читателя, для которого она писалась. Нам же обидно, что Иван Лукаш своим центральным приемом диалога берет: "-- Письмо? -- передохнул Кривцов"; "-- Все искать, искать -- вздохнул Кривцов"; "-- Сударь, сударь, постойте, -- пустился за каретой бакалавр..."

А.

("Благонамеренный", Брюссель, 1926, No 2)

"ПОЖАР МОСКВЫ"

(Из цикла "Летучие листы")

Только что вышедшая книга Ивана Лукаша "Пожар Москвы" не имеет подзаголовка. Мне кажется, что ее менее всего можно назвать историческим романом. В основе всякого романа лежит психологическая или иная заинтересованность действующих лиц, из которых каждое, по тем или иным побуждениям, стремится так или иначе влиять на происходящие события, придать им желаемый оборот. Столкновения и сцепления таких интересов, их прямые или косвенные воздействия друг на друга и на общий ход событий образуют тот сперва завязывающийся, а затем разрешающийся узел, который зовется фабулой.

Исторический роман тем отличается от семейственного, что эти столкновения частных интересов и воля протекают на фоне событий исторических, с ними так или иначе связываются, ими отчасти определяются и порой сами на них влияют. Однако можно бы и для исторического романа установить некий закон сохранения частной интриги, при нарушении которого исторический роман перестает быть романом.

У Лукаша этот закон нарушен (как далее мы увидим, -- сознательно). Точнее сказать, частные интересы и столкновения в "Пожаре Москвы" возникают только эпизодически, как бы вспыхивают, но